

Книжные покупки Андрея Быстрицкого

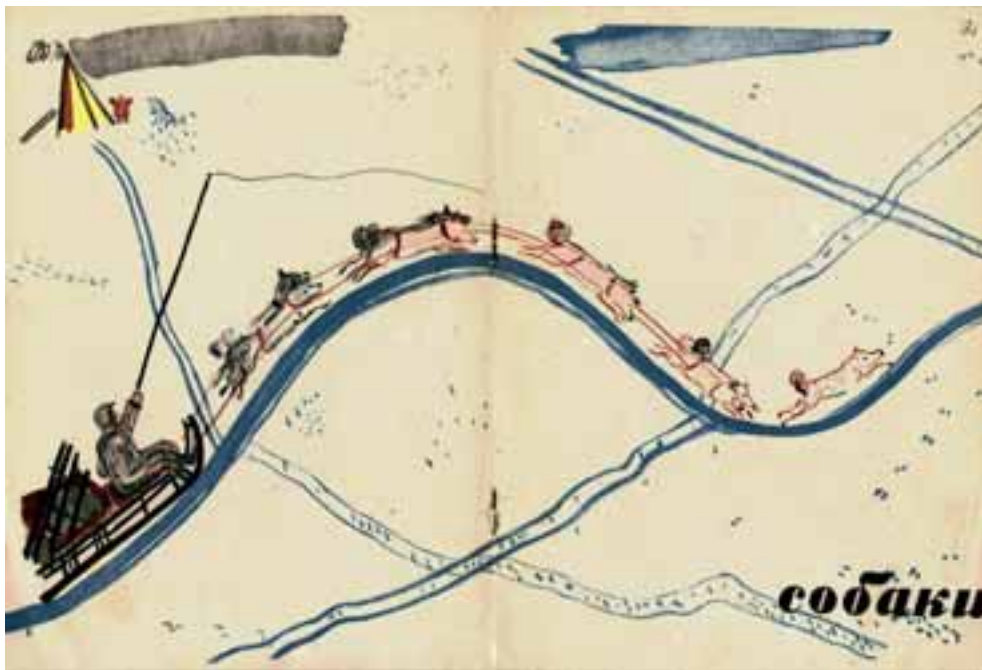
Владимир Сорокин. *Сахарный Кремль*. М.: АСТ, Астрель, 2008. 352 с.
Виктор Пелевин. *П⁵: Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана*. М.: Эксмо, 2008. 288 с.

В появлении этих книг виден определенный симптом сегодняшнего состояния общества. Оба автора давно стали фигурами знаковыми, писателями, с которыми считаются, на которых ориентируются даже статусные блондинки из ток-шоу «Большой Брат». Обоим посвящены сайты, у обоих поклонники, о них пишут раз в двадцать больше, чем они в принципе сами в состоянии написать, даже если протянут еще лет по сту каждый. Многочисленные рецензии на оба сочинения характеризуют их преимущественно как фундаментальные труды, посвященные анализу современного российского общества. Вроде как художники Сорокин и Пелевин постигли в современной России нечто такое, что каждого из нас должно бы привести в трепет и открыть глаза на суть происходящего. Авторы, если верить критикам, создали панорамные картины нынешнего общества, сумели раскрыть и отразить нечто существенное и настоящее, без чего умственное бы-

тие каждого из нас будет неполноценным. Честно говоря, мне кажется, что — и в этом мое отличие от большинства критиков — перед нами, как минимум, две большие творческие неудачи, два провала, причина которых вовсе не только в том, что Сорокин и Пелевин не справились с вызовом, не сумели написать осмысленных произведений в силу, к примеру, отсутствия у них титанических умственных способностей. В самом деле, пока нет никаких оснований ждать от них чего-либо, выходящего за пределы средних литературных и вообще интеллектуальных произведений. Ни умственная, натужная, безобразная проза Сорокина, привлекающая разве что дурно владеющих русским языком славистов, и потому ценящих больше концептуальный синопсис, чем саму книгу, ни сочинения Пелевина, в которых давно уже потерялись когда-то бесспорно существовавшие таланты беллетриста (времен, например, «Желтой стрелы») к этому, понятное дело, не располагали. Но в то же время оба автора складно говорят и складно пишут, они совсем не глупы. Более того, на нашем литературном небосклоне их репутация

безупречна, повторю, оба интеллектуально вполне компетентны в глазах поклонников, и нет оснований предполагать, что какая-то умственная катастрофа случилась с ними одновременно. Оттого и главный вопрос: почему вышло так кисло? Думаю, прежде всего, потому, что оба автора не справились с задачей, им просто-напросто нечего сказать. Хочется, конечно, но слова складываются в какие-то пошлые анекдоты, в обреченно скучные фразы. Главная проблема, главная беда, столь горестно отразившаяся в обеих книжках, заключается в том, что ни наши авторы, ни интеллектуальная элита России в целом совершенно не понимает, что происходит в стране. Вот Владимир Сорокин пытается нам предложить роман (подчеркиваю, роман!) о будущем России. Конечно же, это утопия (она же — антиутопия), тут мы придирааться не будем, более того, продолжение его же романа «День опричника». Но ведь романа нет. Есть бессвязный и уж какой-то совсем безыскусный набор эпизодов. Большая их часть случайна, предсказуема. Лучшие куски чем-то напоминают пародии то ли на Солженицына, то ли на Алек-

сея Толстого, то ли еще на кого-то. Автор, конечно же, кое-где хочет пошутить. Это ему практически нигде не удается, более того, постоянно возникает ощущение неловкости, неуместности происходящего. К тому же самый главный вопрос и вовсе открыт: как за двадцать лет Россия превратилась в самодержавный отстой? Я вовсе не оспариваю право автора рисовать самое чудовищное будущее, но мне хочется понять, а почему это возникло. Ладно, в сорокинском будущем можно вообразить появление чего-то вроде опричников, своего рода

Н. А. Шифрин. Бегут, везут, работают. Иллюстрация. 1929 (РГАЛИ)

эскадронов смерти, столь популярных в Латинской Америке. Но откуда столбовое дворянство? Да еще с родовыми поместьями? Это кто, губернаторы что ли? Несерьезно и вздорно. Конечно, мне можно возразить: автор пытается передать нам суть социальных отношений, и историческая убедительность здесь не так уж важна. Быть может, но все же перед нами, формально, роман. С художественными образами, черт возьми! Я рискую утомить читателя, но придется привести довольно продолжительную цитату, которая, как мне кажется, очень даже характерна для всего художественного метода В. Сорокина. Дело происходит в кабаке. Там гуляет разный люд и перед нами, пускай и кабацкий, но срез то ли всей России, то ли только ее элиты. «Мелькает-перекачивается в дыму табачном какой-то Пургенян, как говорят известный надуватель щек и испускатель ветров государственных, бьют друг друга в лоб двое дутиков, Зюга и Жиря, шлептит картами околоточный Грызло, цедят квасок с газом цирковые, разгибатель подков Медведко и темный фокусник Пу И Тин, хохочет утробно круглый дворник Лужковец, грустно кивает головою сладенький грустец Гришка Вец.» Далее появляется кликуша Пархановна, семейство балалаечников Мухалко и так далее, вплоть до Абрама Мамоны. Об уровне этой сатиры и говорить нечего, только один вопрос, а Гришка Вец как сюда

попал? Он вроде на политическом поле не задействован?

Впрочем, Виктор Пелевин ничуть не лучше. У него так же нет целостного произведения, он так же не смог ничего связного сказать ни о нынешней, ни, тем более, о будущей России. В хаотичном наборе случайных рассказов «П5» так же происходит какая-то попытка актуализировать происходящее за счет постоянных намеков на оккультных политологов, в которых без труда читаются не столь уж загадочные для нас современники. В претендующем на что-то (только не знаю на что) рассказе «Некромент» повествуется о милийском генерале Крушине, впадшем в национализм, мистику и поповщину. Неуклюжесть произведения поразительна. Суть дела в том, что Крушин — современный Синий Борода, Жиль де Ре, убивающий собственных милиционеров для превращения их в «лежащих полицейских». Но важна здесь не топорность и удручающая простота идеи, являющейся сбой безыскусное «разворачивание» метафоры до размера рассказа. Куда любопытнее то, что Пелевину приходится вводить в повествование — а без этих «чапаевых» все и вовсе обернется «пустотой» — «многоцелевого мыслителя» Гойду Орестовича Пушистого, политтехнолога и галериста Макара Гетмана и некоего националистического философа Дупина. Думаю, угадать, кто является прообразом этих персонажей мож-

но без труда. А вот без них, а точнее без их протагонистов, представить себе рассказ Пелевина невозможно. Тут хоть какой-то поклев и навет, какая-то сплетня. А без них что? Ничто. Натянута история из жизни сумасшедших. Что кстати отчетливо видно по дальнейшим рассказам, степень банальности которых приближается к уровню поэзии пубертатной школьницы. Но, повторю, дело совсем не в личном провале, а в катастрофе целого типа сознания. Надо признаться, меня это совсем не радует, а совсем напротив того крайне тревожит и расстраивает. Какой образ мысли близок и Пелевину, и Сорокину? Очень простой, они характерные советские интеллигенты-диссиденты, опасно уверенные в том, что для популярности нужно остроумие любой ценой. Как все подобного рода люди, они, как и анекдотически ограниченные генералы, готовятся к прошлой войне. Конечно, они пытаются осмыслить реальность, причем осмыслить ее критически. Сама по себе эта критичность совсем не страшна, скорее даже полезна. Почему бы думающему слою России не получить дозу критического осмысления реальности? Почему бы ему не прочесть увлекательные художественные сатиры и утопии с антиутопиями вперемешку? Но дело в том, что в рамках советского или даже постмодернизированного постсоветского мышления такую задачу не решить, такую про-

зу не создать. Оттого и не вышло написать романы и повести, оттого все и сыпется и выглядит настолько халтурно, что даже жутко делается, хотя авторы вроде бы считаются записными гениями современности. Их читаешь сегодня так же, как читаешь третьеразрядную фантастику начала XX века: о людях передающих азбукой Морзе сообщения с Тау-Кита. Какая-то художественная мертвечина. Конечно, я вовсе не отрицаю возможность и Пелевина, и Сорокина напи-

Н. А. Шифрин. Бегут, везут, работают. Иллюстрация. 1929 (РГАЛИ)

сать что-нибудь приличное. Во всяком случае, Пелевин написал ту же «Желтую стрелу», мне даже казалось, что в нем есть настоящий беллетристический дар. Его некоторые вещи внушали надежду своим остроумием, вроде «Священный книги оборотня», с ее яркими, пусть и украденными у китайцев, пародийными персонажами вроде лис и их разнообразных любовников. Впрочем, и тогда страшно смущало свойственное автору болезненное стремление постоянно объяснять власть, причем все время заискивая и едва ли не трусливо, словно нашей страной управляют подлинно опасные и какие-то совершенно изощренные каббалисты. Что же касается Сорокина, то с ним все еще более грустно, поскольку лишь весьма упорные и способные к сосредоточению люди могли его читать. Владимир Сорокин бесспорно неглуп, но, столь же бесспорно, литературно бездарен, что бы ни думали о нем немецкие критики. Впрочем, в переводе можно полжиться на талант и темперамент переводчика. Иногда везет. Но в этих последних произведениях есть нечто совершенно поразительное. Авторы, повторю, не смогли написать ничего связного. Перед нами сборники маловразумительных и случайно собранных историй, к тому же рассказанных, мягко говоря, без блеска. Такое бывает, когда взволнованная толпа чего-то ждет, и оратор в отчаянии выкрикивает какие-то слова, в надежде, что их примут за пророчество только в силу натужных намеков на кем-то поведенное ему знание. Но нарочито темный лепет ни к чему не приводит. Нострадаму су пришлось для успеха умереть много столетий назад. И трагедия вовсе не в бездарности или же, если щадить авторов, в умышленном их помрачении, а в том, что те два, что претендовали на выражение мыслей элиты, на внимание тех, кто думает — превратились в пошловатых, неумелых, несмешных фельетонистов. Но не они одни. Если разобрать политологические работы подавляющего большинства современных российских авторов, то из их произведений так же нельзя ничего понять. Что представляет собой общество, в котором мы живем, каким оно будет, каковы его основные черты? Тьма и ужас открываются нам в трудах российских мыслителей. А ведь

общество при этом живет. Так что, думаю я, не в обществе дело, а в тех, кто о нем думает и пишет. Просто Сорокину и Пелевину не повезло больше других. Они рискнули показать результаты собственного мышления. И провалились. Может, повезет в следующий раз.

КАРЕН АРМСТРОНГ. Мухаммад: История Пророка / Перев. с англ. М.: София, 2008. 160 с.

Главный вопрос, на который пытается ответить Карен Армстронг, очень серьезен: могут ли ужиться вместе христиане и мусульмане и какие формы может принять это общежитие? Вопрос о сосуществовании религий в наши дни действительно стоит очень остро: в XXI веке религия, прежде всего ислам, начинает возвращать себе многое из того, что было утрачено в предыдущем столетии. Впрочем, Карен Армстронг свою заинтересованность исламом объясняет чисто личными причинами: «Еще несколько лет назад я почти ничего не знала об этой религии. Первое смутное предположение, что она может найти во мне отклик, появилось во время отпуска, который я провела в Самарканде. Там я обнаружила, что исламская архитектура выражает духовность, созвучную моему собственному католическому прошлому».

Проникшись симпатией к исламу, Армстронг немедленно обнаружила в деятельности современных СМИ постоянную предвзятость, недоброжелательность и искажение реального облика исламского мира, что чревато самыми дурными последствиями. Армстронг показывает, в частности, насколько ложно изображается позиция исламского мира в отношении Салмана Рушди и его книги «Сатанинские стихи». «Было намного больше репортажей о тех мусульманах, что шумно поддержали фатву аятоллы Хомейни, чем о том, как этому противостояло большинство мусульман. Религиозные авторитеты Саудовской Аравии и шейхи соборной мечети аль-Азхар в Каире осудили эту фатву, — пишет Армстронг, — как незаконную и неисламскую: мусульманское право не допускает смертного приговора без суда и не имеет юридической силы за пределами исламского мира. На исламской конференции в марте 1989 года 44 из 45 стран участниц единодушно отвергли постановление аятоллы».

Нет сомнений, что утверждения Армстронг о предвзятости и подозрительности европейской прессы в отношении мусульман верны. Поездив по мусульманским регионам России, я с сожалением могу констатировать, что там, как и повсюду в России, уровень осведомленности христиан об исламе поразительно низок. При том что в России обе религии мирно уживаются в течение многих столетий.

Армстронг последовательно разоблачает разного рода измышления об исламе. Например, как выясняется, хиджаб ничего общего не имеет с попытками принизить женщину или лишить окружающих возможности ее лицезреть. Напротив, в раннем исламе никто не требовал от женщины скрывать лицо. Хиджаб носили только жены пророка, и это символизировало их высокий статус. Но, в силу демократичности ислама, как объясняет Армстронг, другие женщины тоже захотели надеть хиджаб, подражая женам пророка.

Совершенно справедливо, на мой взгляд, Армстронг сравнивает исламский ваххабизм с пуританством в христианстве. Ваххабизм, как и пуританство, представляет собой демократическое движение, декларирующее возвращение к исходной вере. Было бы большим преувеличением считать пуритан воплощением идеального типа христианина. Но столь же ошибочно мерить всех мусульман по ваххабитам.

Пафос книги Армстронг очевиден: ислам не страшен, жить вместе можно и нужно, и с этим трудно не согласиться. Однако в книге Армстронг есть и кое-чтостораживающее: в ней довольно сильно чувствуется апологетика ислама. Позволю себе пространную цитату: «В 850 году монах по имени Перфектус отправился за покупками на базар (соук) в Кордову, столицу исламской страны аль-Андалус. Там к нему пристали несколько арабов с вопросом, кто более великий пророк: Иисус или Мухаммад. Перфектус сразу почувствовал подвох, потому что оскорбление Мухаммада в Исламской империи каралось смертью. Поэтому поначалу монах отвечал с осторожностью. Но вдруг он не выдержал и разразился бурным потоком ругательств, называя пророка ислама шарлатаном, сексуальным извращенцем и даже са-

мим Антихристом. Перфектуса немедленно бросили в тюрьму».

Эта история имела продолжение. Некоторые христиане, мужчины и женщины, являлись перед кади и высказывались критически об исламе и его пророке. Естественно, их отправляли в застенки. Затем у Армстронг следует довольно забавный пассаж: «Кадри решил не выносить монаху смертный приговор, поскольку считал, что мусульмане его нечестно спровоцировали. Но через несколько дней Перфектус, сорвавшись во второй раз, принялся оскорблять Мухаммада в столь грубых выражениях, что у кади не оставалось другого выбора, как поступить с ним по всей строгости закона». Впрочем, дальше дело пошло быстрее. Все новые и новые христиане обличали ислам, и кади был вынужден отправлять их на смерть. «Другой монах, по имени Ицхак, — продолжает Армстронг, — предстал перед кади и обрушился на Мухаммада и на его религию с такой яростью, что кади, приняв его либо за пьяного, либо за ненормального, отвесил ему пощечину, дабы привести в чувство. Но Ицхак не унимался, и кади не мог более потворствовать этому вопиющему нарушению закона». То есть велел казнить старика Ицхака. Времена, конечно, были суровые, но стоит ли так уж сочувствовать бедному кади? В чем провинились Перфектус и его братья во Христе? Лишь в том, что они не захотели лицемерить и высказали то, во что верили.

Поэтому можно ли рассматривать вслед за Армстронг описанные ею нравы Кордовы IX века образцом мирного сосуществования конфессий? В самом ли деле Кордова была местом, где христиане, иудеи и мусульмане в целом гармонично уживались? Если мы согласимся с автором, с нашей стороны это будет не более чем компромиссом, насквозь лицемерным, скрывающим страх и принуждение. Я вовсе не хочу сказать, что христианские страны в IX веке или позже отличались особой веротерпимостью, но стоит ли видеть в вынужденной религиозной терпимости, наблюдавшейся в Кордове в IX веке, привлекательный образец?

Армстронг так и не дала убедительного ответа на вопрос, как могут ужиться вместе христиане и мусульмане. Впрочем, вряд ли эта проблема в принципе разрешима: верующий человек должен твердо следовать символу своей веры, и всех, кто его веру не разделяет, он просто обязан считать людьми заблуждающимися. Другое дело, какими путями он считает допустимым утверждать открытую ему истину. Тут, собственно, и скрыт дьявол. Подозреваю, что на теоретическом уровне ни одного хорошего ответа нет, но в практической жизни их сколько угодно. Грубо говоря, надо быть или искренним простаком, или изощренным интеллектуалом, чтобы действительно терпимо относиться к другим.

Я рекомендую хотя бы пролистать сочинение Карен Армстронг. Книга

полна очаровательных сюжетов, автор блистательно разбирается и в исламе в целом, и в истории пророка Мухаммада в частности. А кроме того, автор предвзято относится к исламу — любит его, сочувствует ему, защищает от несправедливого отношения. Надо, в конце концов, уметь слушать людей по-настоящему убежденных.

Владимиров Ю. В. *Как я был в немецком плену*. М.: Вече, 2008. 480 с.

Хотя воспоминания Юрия Владимировича написаны крайне безыскусно, книга интересна именно как документ, и корявое изложение только добавляет ей подлинности.

Мемуарист родился в чувашской деревне, пошел на фронт, попал в плен, спасся от сталинских соколов и в конце концов рассказал нам о том, как ему все это удалось. Обо всем пережитом автор повествует с крестьянской обстоятельностью: о многочисленной родне, об удивительных и жутких судьбах родственников и соседей, о том, как дети любили фильмы про войну, как автор вместе с «дядей Костей Задоновым» три раза посмотрел «Красных дьяволят»; о том, что такой-то получил грамоту за пахоту, а другой стал крепко выпивать и лишился должности военного комиссара Марийской АССР.

Отец автора, успевший послужить в Белой армии дней пять, прекрасно понимал, что его рано или поздно репрессируют (так и вышло), поэтому стремился отправить сына подалее, в Москву. Автор успешно сдал экзамены в Военно-инженерную академию имени Куйбышева. И тут произошло чудо. Секретарь приемной комиссии сообщил Юре, что на него получен «сигнал» как на сына «белогвардейца»: «Вот тебе все документы и беги в другой институт».

Чудеса в жизни автора будут повторяться не раз.словно герою авантюрного романа, ему благоволит провидение. Спасение приходит то от делопроизводителя концлагеря, то от нищих крестьян, то от командиров.

По книге Владимировича можно составить отчетливое представление о Крас-

Н. А. Шифрин. Бегут, везут, работают. Иллюстрация. 1929 (РГАЛИ)

ной армии в 1941 году. Сначала Юрий учился на зенитчика в Горьком. Курсанты голодали так, что «даже пропадали сексуальные желания». Обучение прошло успешно: «За четыре месяца службы в Горьком мне пришлось пять раз участвовать в отражении налетов вражеской авиации, но, как правило, самолетов не было видно, и мы ограничивались в основном одиночными выстрелами, целясь туда, где был яркий свет от разрывов снарядов. Кроме того, у нас во взводе не было дальномера, да и пользоваться им ночью без освещения все равно было бы невозможно».

Летом 1942 года батарея, в которой служил Владимиров, была разбита, даже не успев вступить в бой. Почему это случилось столь стремительно? Батарея была укомплектована полностью, точно по уставу, все было с иголочки. Но солдаты и командиры совершенно не были готовы к боевым действиям, управление было крайне слабым. Наши историки уже давно выяснили, что Красная армия в 1941–1942 годах превосходила немецкую и количеством, и качеством военной техники. Почему же она терпела поражение? Свидетельства таких очевидцев событий, как Владимиров, дают на это однозначный ответ.

Начался плен. Автор рисует картину, значительно расходящуюся с каноническими изображениями. При всей жестокости плена и многочисленных его жертвах, здесь не все так однозначно. По Владимирову, пленные имели возможность лечиться в госпитале. Хозяева на хуторе, где он работал, сажали пленных вместе с собой за стол. Пленный мог поспорить с часовым и выйти победителем. Мог отстаивать свою правоту: «Вдруг появился унтер-офицер Фритцше, который стал жаловаться своему командиру, что мы украли у него винтовку. Но тут Дитрих сказал, что винтовка стоит на месте, а часовой просто забыл, где ее оставил. Результатом этого события стало то, что на следующий день унтер-офицера Фритцше уже не было, а взамен прислали двух пожилых старших стрелков».

Владимиров с удовольствием вспоминает романы пленных с немками (за это грозил расстрел), свои встречи с советскими девушками — не всех, кстати, «угоняли» в Германию, кто-то ехал и добровольно: хотелось посмотреть мир. В плену сол-

даты мастерят поделки, продают их, сочиняют стихи и рассказы и даже борются с фашистской Германией — саботируют работу или, по крайней мере, стараются ее облегчить, например таская тяжелые мешки вдвоем, а не по одиночке.

Наконец советские войска освобождают пленных. Владимирову бросается в глаза неказистый вид наших солдат, отсутствие порядка. Ему не по душе размах, который принимает мародерство советской армии, хотя он и сам не прочь прихватить что-нибудь ценное: не успел он раздобыть велосипед, как его у него тут же отняли «наши». Владимиров осуждает жестокие расправы теперь уже над немецкими пленными: ему и его товарищам не удается убедить соотечественников-освободителей, что захваченные ими офицеры из лагеря вели себя в высшей степени достойно, фактически спасли жизнь многим пленным, даже не стали расстреливать их за побег. Но заступничество не помогло.

Владимиров свидетельствует, что изнасилования носили массовый характер. Его знакомый, местный ремесленник, этнический славянин (рядом с лагерем жило много славян),

жалуется ему, что русские все у него отняли, изнасиловали жену и дочь, а его, несмотря на то, что он систематически помогал русским пленным, собираются куда-то угнать.

Как бывшего военнопленного, Владимиров родина отправляет на принудительные работы. Хотя бы не в лагерь, ему опять повезло. Но в шахте на Донбассе условия едва ли мягче: смертность как на передовой, жестокость, голод. И опять чудо! Начальник шахты, несмотря на запрет, отпускает его учиться в институт, из которого он ушел добровольцем на фронт.

Полусказочный автобиографический нарратив, вполне понятная для мемуариста идеализация молодости, лучшие годы которой он провел в плену, — все это заставляет рассматривать книгу как не слишком достоверный исторический источник. Но подкупают бесхитростный тон мемуариста и его вездливая мелочность в схватывании и изображении деталей. А верная деталь — далеко не мелочь. Бывает, ее одной достаточно, чтобы подтвердить то, что кому-то кажется всего лишь научной гипотезой. ■

АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ БЫСТРИЦКИЙ РОДИЛСЯ В 1960 Г. В МОСКВЕ. ОКОНЧИЛ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, КАНДИДАТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК. С 1986 ПО 1991 Г. — НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР. РАБОТАЛ РУКОВОДИТЕЛЕМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВГТРК, БЫЛ АВТОРОМ И ВЕДУЩИМ НЕСКОЛЬКИХ РАДИО- И ТЕЛЕПРОГРАММ. С 1998 Г. НАЧАЛ РАБОТАТЬ НА БИ-БИ-СИ ПРОДЮСЕРОМ РУССКОЙ СЛУЖБЫ. С 1999 ПО 2000 Г. — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАДИОВЕЩАТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ «МАЯК». С 2000 Г. — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ФГУП «ВГТРК» И ДИРЕКТОР ДИРЕКЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ ТЕЛЕКАНАЛА «РОССИЯ». СОЗДАТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ВЕРСИИ *EURONEWS*